

Любовь

Машкова

СТРАСТЬ К ПОСТИЖЕНИЮ ТАЙНЫ

7 ноября в Алматы на 77 году жизни скоропостижно скончалась Татьяна Леонидовна Фроловская, поэт, литературовед, переводчик, кавалер ордена «Күрмет», президентский стипендиат в области литературы 2018 года. Предлагаемая статья, написанная к ее 70-летию юбилею, была опубликована в «Казахстанской правде». Татьяна Леонидовна включила ее в свою последнюю поэтическую книгу «Серафический восторг», готовящуюся к изданию.

Нет провинции духа. Дух живет, где хочет. Но как часто и он знает лишь свой шесток. И очень немногим в действительности удается преодолеть провинциализм мышления, интеллектуальных, культурных и духовных запросов и осуществлений. Поэт, переводчик, литературовед Татьяна Леонидовна Фроловская – из их числа. Но эта очевидность с трудом осознается и сегодня, когда уже переиздана к 100-летию Льва Николаевича Гумилева ее повесть-исследование «Евразийский Лев», успешно презентованная в Москве и Санкт-Петербурге; когда вышел блистательный памятный календарь «Так говорил Гумилев»; когда мы знаем, что ею составлен календарь к 200-летию Пушкина, отмеченный премией мэрии Москвы; что многие годы она была участницей Пастернаковских чтений и ее выступления на этом представительном форуме составили известную книгу статей и эссе «Русская трагедия масок», вышедшую в Москве и собравшую заинтересованные отзывы пастернаковедов.

СТИХОВ ОПАЛЬНЫХ РОЙ

А начать разговор о ее творчестве именно с этого утверждения побудило меня воспоминание Татьяны Леонидовны о первом ее звонке в дом Пастернаков в далеком 1965 году, когда, окончивая университет, она избрала темой своей дипломной творчество Бориса Пастернака: «В разговоре с сыном поэта я храбро попросила подсказки: куда направить стопы. Неизменно доброжелательный Евгений Борисович был крайне удивлен: «Заняться Пастернаком в такой глубокой провин... ой, простите, периферии?!» Такое словосочетание еще пару раз проскочило в разговоре. Уверенность, что моя филологическая стезя пролегает в далеком столичном городе, окрепла. Получив от Евгения Борисовича московский адрес и приглашение-разрешение «заходить», я отправилась в Москву».

Но поступала-то она на филологический факультет университета, по собственному признанию, с единственной целью: познать секреты литературного мастерства, изучать жизнь гениальных поэтов, чтобы уважительно подражать.

Не текстам, разумеется, нет, – жизни в поэзии и преданности ей, – ведь она была одержима уже собственными стихами. И мир образов восемнадцатилетней поэтессы был далеко не ученический: «Вчера из печки неба месяцем-ухватом // Мы чугулки со звездами выхватывали». И совершенно справедливо включает она свои ранние стихи в позднейшие сборники. Увлеченность Татьяны Фроловской Пастернаком («житья» без него я себе не представляла!) с первого знакомства в университетской библиотеке с его книгой «Стихотворения в одном томе» 1935 года издания, скрупулезное прочтение тома из «Большой серии «Библиотеки поэта» «постранично, построчно, самой себе подробно объясняя», отразилась в сложном строе ее метафор, в усложненности стилистики, в культурологической оснащенности, в тяге к «вольности святой». Она была и остается в своей поэзии верным «птенцом гнезда Борисова».

Сказывалось это и в 1977 году, когда мне довелось впервые увидеть Татьяну Фроловскую на Первом совещании молодых писателей в Алма-Ате. Высокая, стройная, с густой черной чёлкой над яркими глазами, блистающая цитатами и неопровержимыми доводами в рецензировании чужих стихотворений, – она была в числе поэтов, ведущих семинарские занятия. В одном из своих недавних интервью о Льве Гумилеве на вопрос, может ли она, проштудировав все его труды, в чем-то оппонировать великому историку, она ответила: «А кому это по силам? Разве что в вопросах стихосложения...». Действительно, мало кто мог потягаться в Алматы с Татьяной Леонидовной в вопросах теории стихосложения. Приверженность опально-

пастернаковской школе, интеллектуальной, «книжной», как тогда говорили, поэтике, темам высоким, «вечным», далеким от советской конъюнктуры, мешала выходу стихотворных сборников Татьяны Фроловской, появлявшихся не чаще, чем раз в пятилетие. Книги «Дни календаря», «Зимнее воскресенье», «Корзина земляники» выходили с боем и весьма «пообщипанными»: *«Благодарю за оущенья, // За осложненья, опрощенья, // За критиков благодарю».*

С этим пришлось столкнуться, редактируя ее четвертую, наиболее объемную (почти избранное!) книгу «Семейное предание» в издательстве «Жазушы». В те поры она была уже признанным переводчиком Фаризы Унгарсыновой, чьи книги на русском выходили в Москве. Но право поэта на свой поэтический мир, на самовыражение в тех формах, которые ему присущи, все еще бралось под сомнение. Впрочем, был уже самый конец 80-х, времена идеологических послаблений и вольностей, но еще не наступившей, по выражению Ивана Павловича Щеголихина, тотальной «цензуры денег».

Поражал круг поэтических интересов и пристрастий автора «Семейного предания», где философские стихи сменяются притчевыми, фольклорными, где затемненности смыслов, сложности мышления и стилистики, когда «закодировано

все, зашифровано» и расчет на подготовленного, посвященного читателя, спешит на помощь абсолютная прозрачность и ясность стиха. А версификаторские возможности автора кажутся безграничными. Две маленькие поэмы – «Моление заточника – сочинение Даниила, поэта и гражданина, жившего на Руси в XII веке», написанная по мотивам русских летописей, и «Горе-злосчастие», имеющая подзаголовок «Повесть XVII века», в притчево-фольклорном стиле, обращенные к русской истории, на самом деле, не в бровь, а в глаз попадают в нравы века нынешнего: *«Щепотка соли – да. Но ком – беда. // Ведь хитрецов на мудрецов облава // Вершится мимо Божьего суда».*

И в обличениях Даниила, и в страстях о блудном сыне, которого сгубило отречение от заповедей Божиих и отцовских, но который, в отличие от библейского, так и не дошел в раскаянии до отчего дома, – вневременные для поэта темы.

И все-таки главным нервом поэзии Татьяны Фроловской остается постижение природы творчества: к чему бы она ни обращалась – к русской, западноевропейской или казахской истории и мифологии, музыке, живописи, к переводам из Китса или Махамбета, к собственным родовым корням, к природе, – для нее важнее всего процесс сотворения – всего из всего: «Вдруг в неприбыльный поиск ныряешь с концом, сам, как русское слово, тревожен и волен». Потому-то у нее в фаворе и заточник Даниил, и Гойя, и Китс, и Николай Бруни, и Чайковский, и Пушкин – ей интересен мир личностей, явлений, «из высших явившихся сфер». Ей хочется проникнуть в тайну и проникнуться страстью Демиурга, страстью Сотворения. И историю отношений Чайковского и Надежды Филаретовны фон Мекк, меценатки, акцизной помещицы в поэме «Страсти многие», которая вновь опубликована к ее юбилею в журнале «Простор» (№ 6, 2013 г.), она пишет, прежде всего, как историю сотворения музыки: *«До наших дней от сотворенья мира, // От наших дней до самого конца».*

Пишет, как она признается сама, небескорыстно – где-то в семейных преданиях прослеживается у нее с этой дамой родство. Но тут же, словно итожа цикл «Отечество странника» (стихи «1863 год», «В Камбарке мать малину продавала...», «Моя вымершая деревня», «Вольная глухомань», «Воспоминание о козе», «Вот домик-завалюха», «Подмастерье пророка» и другие), уточнит: *«...я всегда, как бабушка и мать, стояла за крестьянство – не дворянство».*

Создается ощущение, что в ее поэтическом творчестве «кормящий ландшафт» безграничен, она щедро берет горстями у всех веков и народов, «у одуванчика и лебеды», переплавляет, делает своим, признается в родстве. И ее литературоведение – это закономерное продолжение ее страсти к постижению тайны Сотворения. И здесь уж, действительно, дух живет, где хочет. Но перво-наперво, где всегда хотел жить и окормляться ее мятежный дух – это был Пастернак.

ЗАПРЕТНЫЕ КНИГИ И АВТОРЫ

Полувековой, по сути, «роман» Татьяны Леонидовны с Пастернаком имеет промежуточным итогом книгу литературоведческих статей «Русская трагедия масок» и очерк «Незабвенный Евгений Борисович», написанный к 90-летию сына поэта, его главного архивиста, подготовившего наиболее полное собрание сочинений в 11 томах. Хорошо бы обе эти ее вещи издать под одной обложкой. Потому что если книга, которую автор определяет как результат «одной, но пламенной

страсти», – квинтэссенция постижения творчества Пастернака, то очерк – это и есть сам путь к нему, с того самого звонка его сыну в начале шестидесятых, пять лет спустя после смерти поэта.

Дом Пастернаков открыл духовные сокровища: архивов, книг, встреч, бесед. Она скажет о Евгении Борисовиче: «Он опекает нас в космосе великой культуры». И признается: «Прошло немало лет, пока я с окончательной ясностью поняла, что больше всего на свете страшусь не оправдать доверия, огорчить непониманием огромности творческого наследия Бориса Леонидовича, непониманием величия их подвижнической работы ради полного признания поэзии и прозы Пастернака».

Здесь надо напомнить, что роман «Доктор Живаго», «на всю жизнь возвышенно пленивший и покоривший» казахстанского исследователя, впервые был опубликован при жизни Пастернака на Западе, автору была присуждена Нобелевская премия, за что он подвергся пожизненной опале в своём Отечестве. И даже в 1987 году, к первым Пастернаковским чтениям, опальная книга еще не была напечатана, и, как вспоминает Татьяна Леонидовна, о ней решился говорить только Сергей Аверинцев. «Под запретом был “Живаго”, но я тихонько скрипела перышком, полагая, что работаю “в стол”». Именно тогда соединились для нее два «доктора»: «Доктор Фаустус» Томаса Манна и «Доктор Живаго» Пастернака.

Андрей Вознесенский писал: «Тридцать лет пропаганда наша... выдавала роман за политического монстра, за пасквиль против народа и революции. Кроме преступления против личности поэта, совершалось преступление против смысла романа». Апеллируя к его словам, литературовед Любовь Туниянц справедливо замечает, что своими эссе «Татьяна Фроловская эти смыслы романа открывает вдумчивому читателю». Более того, объемность взгляда и исследовательского постижения позволила в эссе, имеющих поводом роман «Доктор Живаго», рассмотреть литературное творчество Бориса Пастернака как неразрывную в своей цельности книгу, включающую и большую и малую прозу, и лирику, и поэтический эпос, и переводные произведения, и письма.

«Читая «Русскую трагедию масок» и «Евразийского Льва», мы освобождаемся от мировоззренческой рутины, от обветшавших интеллектуальных воззрений, переосмысливаем многие известные факты», – заключает Любовь Туниянц в просторовской статье «Есть смысл задуматься о контексте», посвященной творчеству Татьяны Фроловской.

Двадцать лет работала Татьяна Фроловская над повестью-исследованием «Евразийский Лев», посвященной еще одному опальному автору опальных книг. Срок тюрем, лагерей и ссылок Льва Николаевича Гумилева – великого историка и философа, сына великих русских поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева, вылился в четырнадцать лет, между которыми он успел окончить университет, поехать в экспедиции, повоевать на фронтах Великой Отечественной и дойти до Берлина, защитить кандидатскую диссертацию. А докторских у него было защищено две. Но это не помешало в общей сложности на тринадцать лет отлучить ученого от академических изданий – в последний раз его труды были запрещены к публикации в 1975 году решением президиума АН СССР, запрет был снят лишь в 1988 году.

Лев Николаевич дожил до времени, когда его книги стали широко издаваться. К трудам великого евразийца стали обращаться и Запад и Восток, его интервью привлекали огромное внимание, его лекции в Санкт-Петербургском универси-

тете посещали сотни и тысячи жаждущих познания. Довелось слушать лекции Гумилева и Татьяне Фроловской. Это непосредственное знание, это многократное обращение к трудам евразийцев-предшественников, это штудирование книг Льва Николаевича, это сочувственное и страстное проживание его личной судьбы и судьбы его исследований делает книгу о евразийском Льве книгой самого пристрастного писателя, рассчитывающего на столь же заинтересованное прочтение, результатом которого стало бы обращение к наследию Льва Николаевича Гумилева. Поскольку, по ее мнению, «заблуждения опасны, так как уменьшают количество истины на душу населения», а особенно опасны заблуждения политиков, вершащих судьбы народов.

Эту просветительскую сторону книги, раскрывающую суть великих открытий и систему взглядов великого пассионария, в предисловии к юбилейному изданию, осуществленному Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилева, подчеркивает его ректор, доктор исторических наук Е. Б. Сыздыков, отмечающий, что «Евразийский Лев» Татьяны Фроловской – «свидетельство высокой преданности автора творческому, столь необходимому в наши дни наследию и замечательной личности Л. Н. Гумилева».

Кстати сказать, на юбилейной, 2005 года, Пермской международной пастернаковской конференции Татьяна Фроловская прочла доклад «Евразийское мировоззрение Пастернака», заметив, что контртема центрального замысла романа «Доктор Живаго» – «идея свободной личности и идея жизни как жертвы» лежала в основе философии евразийцев – «лучших и независимейших из эмиграции». Татьяна Фроловская написала о романе «Доктор Живаго» и его герое, что это для «средних деятелей, ничего не имеющих сказать жизни и миру, в целом, приговор». Такой приговор бездеятельной серости, по сути, несут и ее книги о Пастернаке и Гумилеве. Надо ли удивляться, что в переводах из казахской поэзии она обратилась к личностям и творчеству мятежных Фаризы и Махамбета?

ДУХ МЯТЕЖНЫЙ МАХАМБЕТА

В 2003 году Международным клубом Абая в Астане к 200-летию Махамбета издана на русском языке его книга «Бренный мир» (художественный перевод – Татьяна Фроловская, подстрочный перевод, составление и примечания – Ерден Хасенов). Осуществила этот замечательный проект народный поэт республики, лауреат Государственной премии РК Фариза Унгарсынова. Фариза, одна из первых в казахской поэзии обратившаяся к личности и творчеству Махамбета, посвятившая ему свою исповедальную поэму «Алмазный клинок. Три встречи с Махамбетом». Поэму эту перевела, как и одноименную книгу, вышедшую в издательстве «Художественная литература» в Москве, Татьяна Фроловская.

К обоюдной мечте – четвертой встрече с Махамбетом, осуществлению нового полного перевода его стихов на русский язык, они вместе шли долгие годы. «Чем же привлекают ее переводы? – пишет Фариза Унгарсынова. – На мой взгляд, резко выраженной поэтической индивидуальностью, соединением своего внутреннего мира с тем, что есть в стихах Махамбета, неприглаженным языком, оригинальным синтаксисом. Думаю, Татьяне Фроловской, в смелом, любовном, бесспорно талантливом и бережном прикосновении к произведениям Махамбета, удалось многое».

Высокую оценку этим переводам дает и Ерден Хасенов, автор глубоких и высокопрофессиональных примечаний и комментариев к стихам Махамбета, пишущий, что они вместе «решали проблему вызволения поэта из лабиринтов шаблонных и трафаретных представлений». Полными энергии и страсти стихами передает эта книга несгибаемый мятежный дух Махамбета. Махамбета, который говорил о себе:

Мне при рождении в руки вложен лук.
Сто тысяч стрел – моих надежных слуг –
Кого угодно обратят в бега.
Стихией неба, тучей грозовою,
Лечу, как ветер, точно хляби, вою
И молнии бросаю на врага.

Фариза права, в переводах этих есть главное – погружение в стихию поэта, совпадение с его внутренним миром – общий мятежный дух ведет их по жизни. Ведь и в своих стихах, и в жизни Татьяна Фроловская – воительница: *«Не рыскать же тропы фартовой // Пред черной подлости лицом».*

Она признается: «Мне не раз за истину пришлось в жизни заступиться». Сказано не ради красного словца: за этим признанием – конкретные человеческие судьбы и ее заступническое участие в них. Но воительница потому, что есть обеспеченный тыл, есть рядом человек, о котором она думала, когда писала эти строки: *«О счастье. Как оно мало! // Молитесь все, чтоб повезло // С родной душой соединиться».*

Это о муже, журналисте и писателе Эдуарде Галиевиче Джилкибаеве – Константине Кешине, с которым около более полувека они вместе и в жизни, и в литературе, и в страстях многих...

При всем убежденном следовании своим магистральным избранным путем ее приятие жизни, литературы, культуры, искусства очень широко, и таким остается многие годы. Так, Пастернак вовсе не мешал Татьяне Леонидовне добросовестно и увлеченно работать секретарем народного писателя-натуралиста Максима Зверева. Делала она это еще и по-соседски. Но когда уже в наше время кто-то пытался высказаться о литературном несовершенстве текстов писателя, Татьяна Леонидовна тут же привела массу примеров неоспоримых достоинств Зверева, с чем спорить было трудно.

Большим помощником Максиму Дмитриевичу была Татьяна Фроловская в издании природоведческого альманаха «Лик земли». Но и сама она – человек очень природный, и не потому, что ее семья уже десятилетия, убежденно покинув город, живет в предгорьях Алатау: можно пребывать в ауле и оставаться душою человеком сугубо асфальтовым. Ее природное чувство генетическое, не дающее ей оторваться от земли, полнящее ее новые стихи, позволяющее ей «страсти по Живаго и доктору Фаустусу» вполне совмещать с живой жизнью, и с усмешкой сказать: *«Вот какие я страсти веду в поводу // За веревочку, полную чистых рубах!»* И потому страсти многие, которыми полнится ее творческий дух, которыми живет ее человеческая душа, не из тех, что отягощают, мельчат жизнь, а из тех, что полнят ее высоким смыслом. И дух ее по-прежнему летает, где хочет.

